

Акопян Павел Арменович

РИМСКО-ПАРФЯНСКИЙ АНТИАРМЯНСКИЙ ДОГОВОР КОНЦА 90-Х ГГ. ДО Н.Э.: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Статья посвящена анализу римско-парфянских отношений начала I в. до н.э., в особенности рассмотрению положений договора 92 г. до н.э., заключенного между государствами. Политика завоеваний 90-х гг. до н.э. армянского царя Тиграна II затрагивала интересы ведущих держав региона. Поэтому "армянский вопрос" мог стать одним из ключевых на переговорах между Римом и Парфией. Анализ свидетельств античных авторов дает основания полагать складывание римско-парфянского антиармянского сближения в конце 90-х гг. до н.э. Однако анализ контекста сложившейся ситуации на Переднем Востоке к 92 г. до н.э. показывает, что римско-парфянские переговоры не могли быть направлены против армян, по крайней мере, с римской стороны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/4-2/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 21-23. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

LEO SIROTA AND HIS PLACE IN FORMATION OF THE JAPANESE PIANO CULTURE

Aizenshtadt Sergei Abramovich, Ph. D. in Art Criticism, Professor
Far Eastern Academy of Arts
mail@dv-art.ru

The article is devoted to the Russian pianist, who became one of the founders of the Japanese piano school. The review of the life course of L. Sirota is given, the features of his creative personality are revealed. Some data are put into the use of the modern Russian musicology for the first time. The author concludes that the exceptional significance of the results of L. Sirota's activity in Japan is conditioned first of all by the fact that he having realized the Russian piano traditions acted as an extremely outstanding representative of virtuosic romantic style.

Key words and phrases: Leo Sirota; Japan; Tokyo; Leonid Kreutzer; Ferruccio Busoni; the Russian piano school; Kiev School of Music.

УДК 94(479.25)

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу римско-парфянских отношений начала I в. до н.э., в особенности рассмотрению положений договора 92 г. до н.э., заключенного между государствами. Политика завоеваний 90-х гг. до н.э. армянского царя Тиграна II затрагивала интересы ведущих держав региона. Поэтому «армянский вопрос» мог стать одним из ключевых на переговорах между Римом и Парфией. Анализ свидетельств античных авторов дает основания полагать складывание римско-парфянского антиармянского сближения в конце 90-х гг. до н.э. Однако анализ контекста сложившейся ситуации на Переднем Востоке к 92 г. до н.э. показывает, что римско-парфянские переговоры не могли быть направлены против армян, по крайней мере, с римской стороны.

Ключевые слова и фразы: Рим; Парфия; Великая Армения; Каппадокия; Тигран II Великий.

Акопян Павел Арменович

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
pavel-aa@mail.ru

**РИМСКО-ПАРФЯНСКИЙ АНТИАРМЯНСКИЙ ДОГОВОР КОНЦА 90-Х ГГ. ДО Н.Э.:
МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?©**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-01-00088. Работа частично поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ).

Одним из важных последствий каппадокийского конфликта [2; 10; 17] стало расширение зоны контактов Рима с восточными государствами и установление первых контактов с Парфией. Среди них наибольший интерес представляют римско-парфянские переговоры 92 г. до н.э. Несмотря на обилие научных публикаций по этой теме [1; 2; 3; 4; 5; 14; 15; 16; 17; 19], лишь некоторые касаются такого ее аспекта, как роль Великой Армении на этих переговорах [6, с. 67; 11; 12].

Как сообщает Плутарх к Сулле, после возвращения каппадокийского престола Ариобарзану I прибыл посол парфянского царя Митридата II Оробаз (Plut. *Sulla*, V). Между римским военачальником и парфянским послом состоялась встреча, на которой Оробаз предложил заключить договор о союзе и дружбе. Вопрос о том, было ли соглашение оформлено, является спорным – в современной историографии имеются как сторонники [16, р. 47; 17, р. 198], так и противники [3, с. 4; 14, с. 223] версии о подписании официального договора. Независимо от того, какую форму приобрело римско-парфянское соглашение, сомневаться в самом его существовании не приходится.

Небольшое свидетельство Плутарха относительно римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э., к сожалению, подводит нас к некоторым трудностям в выявлении причин и целей состоявшегося мероприятия. Вся информация древнегреческого автора сводится к следующему: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа еще не соприкасались друг с другом; видимо, счастью своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла – одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя – и во время переговоров сидел посредине» (Plut. *Sulla*, V).

В исследовательской литературе имеется ряд высказываний относительно того, что Сулла и Оробаз пришли к соглашению, носившему характер конкретного договора, по которому Евфрат должен стать границей территориальных интересов Рима и Парфии [19, S. 22-23]. Исходя из предположения Циглера, следует, что уже в 92 г. до н.э. перспектива раздела Передней Азии на две сферы господства означала для Армении

участь быть зажатой между двумя державами, что в корне противоречило интересам Армянского государства. Однако нам не удалось найти ни в одном источнике, в том числе и в свидетельствах Плутарха, сведений о том, что Евфрат признается границей сфер влияния и господства между Римом и Парфией. Данные же Плутарха лишь только локализируют римско-парфянские переговоры у берегов Евфрата: «Когда Сулла стоял у Евфрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсакаки (Plut. *Sulla*, V).

Нельзя не согласиться с выводом А. Р. Панова о том, что предположение о складывании антиармянского римско-парфянского союза делается под воздействием воспроизведения последующих событий, а не в рамках объективного анализа ситуации конца 90-х гг. I в. до н.э. [12, с. 138] Исследователь указывает, что если имя Тиграна и мелькало на переговорах, то явно не при обсуждении центральных вопросов, каковыми были оформление дружеских и союзных отношений [Там же].

Очевидно, что проблема складывания антиармянского союза вызвана неоднозначностью сведений, которые нам предоставляют античные авторы: *amicitia* Тита Ливия (Tit. Liv., *Epit.* LXX) и «Πάρθους συμμαχίας καὶ φιλίας δεομένουσι» Плутарха (Plut. *Sulla*, V). Поэтому дать однозначный ответ на вопрос о существовании римско-парфянской заинтересованности в антиармянском сближении с опорой на источники невозможно. Одним из возможных путей решения данного вопроса могут стать анализ контекста сложившейся ситуации на Переднем Востоке к 92 г. до н.э. и рассмотрение вопроса о том, насколько могущество Армении и ее опасность просматривались для Рима или Парфии.

Новый правитель Великой Армении не желал мириться с парфянской гегемонией и практически с первых лет царствования предпринял меры по усилению своей державы [10, с. 109]. Так как борьба с Парфией в сложившихся условиях, то есть без мощной экономической и военной базы, была невозможна, внимание Тиграна II оказалось сосредоточено на северных и западных пределах страны, где существовала возможность присоединения к Великой Армении новых территорий.

Первые территориальные приобретения¹ армянского царя продемонстрировали, что Тигран II отказался признать сложившееся на границах Великой Армении *status quo* и готов активно вмешиваться в малоазийскую политику. С другой стороны, захват Софены не привел и не мог привести к каким-либо значительным изменениям в Азии [7, с. 49]. Маловероятно, что уже с захватом Софены Армения оказалась втянутой в противостояние с Римом.

Прямые контакты римлян с этим царством после 189 г. до н.э. не засвидетельствованы, и даже союз Софены с Каппадокией устанавливается на основании косвенных данных (Diod., 31, 22) [Там же]. В римской внешнеполитической практике конфликты между союзниками были достаточно частым явлением, в которые сенат если и вмешивался, то как третейский судья. Учитывая кризис римской восточной политики в конце II – начале I в. до н.э., изменение статуса небольшого и отдаленного царства вряд ли могло привлечь внимание Рима и тем более вызвать ответную реакцию [14, с. 220; 18, р. 104]. Действия римлян на Востоке в 90-е гг. до н.э. свидетельствовали о нежелании римлян значительно увеличивать свои владения в Азии. Поэтому обнаружить заинтересованность в антиармянском соглашении с римской стороны представляется маловероятным. Выявить причины, мотивирующие Парфию к антиармянскому римско-парфянскому соглашению, кажется сложным из-за скудности сведений, сохранившихся в античных источниках. Косвенными аргументами, подтверждающими заинтересованность Парфии в этом соглашении, могут служить следующие: во-первых, характеристика Плутархом Парфянской державы заключительного периода правления Митридата II (91-87 гг.), где историк повествует о расколе² в Парфянской державе 91-87 гг. до н.э. Есть основания полагать, что предпосылки этого события могли обозначиться гораздо раньше, после прихода к власти Тиграна II в 95 г. до н.э., поэтому заинтересованность Парфии в легитимации союза с одним из крупнейших государств на Переднем Востоке вписывается в контекст заключенного римско-парфянского соглашения. Вопрос об антиармянском характере соглашения с парфянской стороны требует дальнейших исследований; во-вторых, есть еще одно свидетельство Плутарха (Plut. *Sulla*, V), по которому инициатором союза стали именно парфяне. Однако такие сведения Плутарха, как «...видимо счастьем своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он...», «...во время переговоров сидел посредине, лишней раз могут стать доказательствами проримской направленности античного историка, стремившегося возвеличить Рим. Поэтому принимать их, как нам кажется, следует с большой осторожностью.

В то же время с захватом Софены Армения Тиграна II оказалась вовлечена в сложнейшую политическую борьбу на востоке Малой Азии. Перед армянским царем возникла проблема выбора союзников, так как самостоятельные действия в столь важном регионе были крайне затруднены [8, с. 82-83]. В связи с этим одним из значимых политических событий первой половины 90-х гг. стало оформление армяно-понтийского союза (Just., XXXVIII, 3, 1-5; App. *Mithr.*, 15; Memn., 30, 3) [8; 9; 10; 18]. Однако наиболее дискуссионным вопросом армяно-понтийского союза остается цель этого соглашения. Большинство исследователей утверждают, что армяно-понтийский договор имел ярко выраженную антиримскую направленность [8, с. 83; 10, с. 110; 11, с. 135; 13, с. 117]. Иная точка зрения представлена в гипотезе Я. А. Манандяна, которая, как справедливо отметил С. Д. Литовченко, не обратила на себя внимания других исследователей, но имеет право на существование. Манандян, опираясь на данные Юстина (Just., XXXVIII, 3, 1-5), предположил, что между Понтом

¹ Первым завоеванием нового армянского царя на западе оказалось армянское царство Софена, находившееся на левом берегу Евфрата, которым управлял потомок Зариадра (Зареха) Артан (Strabo, XI, 14, 15).

² «...государство... из-за междоусобных войн и раздоров с соседями не в силах было дать отпор нападениям армян (Плутарх. Лукулл. XXXVI).

и Великой Арменией был заключен только один договор о разделе добычи в Каппадокии, скрепленный брачным союзом [9, с. 33]. Мнение, высказанное О. И. Севастьяновой и Р. Л. Манасеряном о том, что армянский царь осознавал угрозу, которую представляла экспансия Рима в Восточном Средиземноморье, представляется не вполне достоверным. Римская республика в последней трети II – начале I в. до н.э. в силу многочисленных конфликтов в Европе и Африке не проводила на Востоке агрессивную политику и вряд ли представляла непосредственную угрозу царству Тиграна II. Для армянского государства большую опасность представляли планы парфянского царя царей Митридата II по расширению своей державы.

Совершенно не отвечает целям борьбы с Римом и содержание договора, так как раздел захваченных земель был возможен только в Каппадокии, в других частях Малой Азии Митридат VI действовал самостоятельно [7, с. 55]. И, безусловно, важнейшим аргументом против утверждения об антиримской направленности армяно-понтийского союза является тот факт, что Тигран II не принимал участия в первой войне Рима с Митридатом VI. Следовательно, римско-парфянский договор 92 г. до н.э. не мог стать ответной реакцией со стороны римлян на армяно-понтийское соглашение 93 г. до н.э.

Таким образом, вопрос об Армении мог стать одной из возможных тем для обсуждений, имевших место во время римско-парфянских переговоров 92 г. до н.э. По данным античных источников, предположение о складывании в 92 г. до н.э. римско-парфянского антиармянского сближения подтверждается свидетельством Плутарха и употреблением античным автором термина *σπρζαχία*. Однако анализ контекста сложившейся ситуации на Переднем Востоке к 92 г. до н.э. показывает, что римско-парфянские переговоры не могли быть направлены против армян, по крайней мере, с римской стороны.

Список литературы

1. Беликов А. П. Парфия и Рим: истоки взаимного неприятия // Античный мир и археология. 2002. Вып. 11. С. 51-52.
2. Бокщанин А. Г. Парфия и Рим. Исследование о развитии международных отношений позднего периода истории античного мира: в 2-х ч. М.: Изд-во МГУ, 1966. Ч. II. Система политического дуализма в Передней Азии. 303 с.
3. Гамкрелидзе А. Ш. Римско-парфянские взаимоотношения от Суллы до Траяна (с 92 г. до н.э. по 117 г. н.э.): автореф. дисс. ... к.и.н. М., 1986. 17 с.
4. Головкин И. Д. Римско-парфянские политические взаимоотношения в I в. до н.э.: автореф. дисс. ... к.и.н. Одесса, 1952. 16 с.
5. Головкин И. Д. Римско-парфянські відносини в першій половині I століття до н.э. // Вісник Одеського національного університету. Одесса, 1959. Вып. 7. С. 68-80.
6. Литовченко С. Д. Армяно-римские отношения в 90-е гг. I в. до н.э. // Проблемы истории и археологии Украины: тезисы докладов. Харьков, 2001.
7. Литовченко С. Д. Каппадокийский кризис 90-х гг. I в. до н.э. и Великая Армения // Древности 2006-2008: харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2008. С. 48-57.
8. Ломоурн Н. К. К истории понтийского царства. Тбилиси, 1979. Ч. 1. 198 с.
9. Манандян Я. А. Тигран II и Рим / пер. с арм. Ереван: Изд-во АрмФАН, 1943. 240 с.
10. Манасерян Р. Л. Борьба Тиграна против экспансии Рима в Каппадокии в 93-91 гг. до н.э. // Вестник древней истории. 1985. № 3. С. 109-118.
11. Манасерян Р. Л. Процесс образования державы Тиграна II // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 122-138.
12. Панов А. Р. Взаимоотношения Рима с государствами Северного Причерноморья и Закавказья в период поздней республики – ранней империи (II в. до н.э. – начало II в. н.э.): дисс. ... д.и.н. Новгород, 2009. 634 с.
13. Севастьянова О. И. Новый труд по истории древней Армении // Вестник древней истории. 1946. № 2. С. 117-123.
14. Смыков Е. В. Рим и Парфия: первые контакты (к вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 193-226.
15. Badian E. Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967. 83 p.
16. Debevoise N. C. A Political History of Parthia. N. Y., 1968. 303 p.
17. Keaveney A. Roman Treaties with Parthia, Circa 95 – Circa 64 B.C. [Электронный ресурс] // The American Journal of Philology. 1981. Vol. 102. № 2. P. 195-212. URL: <http://www.jstor.org/stable/296174> (дата обращения: 10.06.2014).
18. Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East: 168 B.C. to A.D. 1. L., 1984. 352 p.
19. Ziegler K. H. Die Beziehungen zwischen Rom und dem Partherreich. Ein Beitrag Geschichte des Völkerrechts. Wiesbaden, 1964. 158 S.

THE ROMAN-PARTHIAN ANTI-ARMENIAN TREATY OF THE END OF THE 90S BC: MYTH OR REALITY?

Akopyan Pavel Armenovich

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
pavel-aa@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the Roman-Parthian relations at the beginning of the I century BC, in particular to the consideration of the provisions of the treaty of 92 BC concluded between the states. The policy of the conquests of the 90s BC of the Armenian king Tigran II affected the interests of the major powers in the region. Therefore the “Armenian issue” could be a key in the negotiations between Rome and Parthia. The analysis of ancient authors’ evidence suggests the development of the Roman-Parthian anti-Armenian rapprochement at the end of the 90s BC. However, the analysis of the context of the situation in the Near East up to 92 BC shows that the Roman-Parthian negotiations could not be directed against the Armenians, at least on the Roman part.

Key words and phrases: Rome; Parthia; Great Armenia; Cappadocia; Tigran II the Great.